

Сегодня день был немного особенным. Тан Сюань держал в руках бутылку вина.

Сы Нань взял вино, и Тан Сюань, как само собой разумеющееся, поддержал его трехколесный велосипед.

Сы Нань спросил:

- Дети дома, почему не заходишь?

Тан Сюань ответил:

- Жду тебя.

Глаза Сы Наня смягчились:

- Поздравляю, ты дождался.

Тан Сюань улыбнулся краешком губ и вошел во двор вместе с ним, плечо к плечу.

Эр-лан уже спрыгнул с велосипеда и бегом ворвался в дом. Если он продолжит смотреть на весь этот сахар, у него точно появится кариес!

Было время ужина, дети уже поели в ресторане, а Тан Сюань только что вернулся с работы и еще не ел. Сы Нань переоделся, собираясь приготовить ужин, но Тан Сюань достал из седельной сумки коробку с едой.

- Сегодня будем есть готовое, не трудись.

Сы Нань сразу улыбнулся:

- Ты же просто жалеешь меня, да? Думаешь, что я целый день кручусь в ресторане, как волчок, потом еще и мчусь на велосипеде забирать Эр-лана, вот и не хочешь, чтобы я готовил, так ведь?

Тан Сюань усмехнулся, его юноша всегда умел поднять ему настроение.

Сы Нань с энтузиазмом открыл коробку:

- Фрикадельки Львиные головы из «Фэн И Лоу», рыбный суп, хрустящая свинина и мой любимый «Апрельский иней»! Отлично, хорошо, что я оставил место в животе, смогу все

съесть.

Тан Сюань улыбнулся:

- Ну, давай поедим вместе, маленький волчок.

- Конечно, маленький добряк, — Сы Нань улыбнулся, прищутив глаза.

В окне выстроилась целая вереница детских голов, молча наблюдающих за ними. Черный и белый горностаи тоже вылезли из своей норки, медленно прогуливаясь по двору. Живот у белого горностаи был уже большой, вероятно, она скоро родит. Будучи матерью, маленький горностаи ходила так, чтобы аккуратно держать спину прямо, словно стараясь не касаться животом земли. Пес по кличке Сяо Дай, ставший членом семьи Сы, обосновался в новом домике, который для него сделали Сяо Мутоу и Сяо Гоуцзы из деревни Цуй. Домик с остроконечной крышей, круглым входом и двумя маленькими окошками стоял рядом с новым жилищем горностаев. Сяо Дай был в восторге, и целыми днями не вылезал из домика.

Летним вечером дул легкий освежающий ветерок. Сы Нань накрыл каменный стол во дворе, и они с Тан Сюанем сели друг напротив друга.

Еще не успев поесть, Сы Нань налил себе бокал «Апрельского инея».

Обычное вино нужно пить теплым, но только «Апрельский иней» из ресторана «Фэн И Лоу» идеально подходит для охлаждения. Пьешь его ледяным, и... каждая волосинка на голове словно вздыхает от удовольствия.

Тан Сюань взял одну фрикадельку «Львиная голова» и аккуратно разрезал ее палочками на четыре части. В каждой части оказалась четверть яйца. Он вытащил белок и положил его Сы Наню, а желток оставил себе.

Он вовсе не ненавидел белок, но заметил, что Сы Нань его обожает, и потому делал вид, что не любит, чтобы каждый раз отдавать ему. Дело не в том, что они не могли себе это позволить, просто он хотел поделиться с ним. Ему нравилось смотреть, как Сы Нань радостно щурит глаза.

Сы Нань моментально схватил белоснежный белок с зеленой фарфоровой тарелки и с удовольствием закинул его в рот, его щеки раздулись, но он все же нашел время подшутить над Тан Сюанем:

— Привередливый! Даже белок не любишь.

Тан Сюань, принимая эту «вину» на себя, продолжал выбирать для него белок.

Сы Нань, не отрываясь от еды, оценивал:

— Мастер, которого пригласили в «Фэн И Лоу» для приготовления «львиных голов», действительно талантлив. Я замечал, что в других местах используют чесночную пасту, а он — только чесночный сок. Так сохраняется вкус, и даже те, кто не любит чеснок, не будут жаловаться.

— И маленькие кусочки жареной свинины тоже хороши. Здесь добавили белок, верно? И использовали порошок из таро? Нежное постное мясо в таком виде — редкость. Надо будет попробовать приготовить это самому.

— Ммм, а этот суп из мандаринки какой свежий! Намного лучше, чем в прошлый раз, когда я делал. О! Они предварительно ошпарили рыбу горячей водой, чтобы удалить мелкие кости, так ведь? Конечно, так можно избавиться даже от мелких костей...

Когда Сы Нань говорил о еде, его лицо всегда светилось. Он по-настоящему любил ее.

Тан Сюань отставил свою чашу с вином и тихо сказал:

— Общество пяти вкусов... Если хочешь вступить, вступай, не переживай.

- Ты уже знаешь? — Сы Нань отпил немного рыбного супа, его губы заблестели от влаги, - Ты все еще ставишь людей, чтобы защищать меня? Как быстро узнал, что Бай Е приходил?

Тан Сюань кивнул:

- В последнее время обстановка напряженная, тебе лучше быть осторожнее...

- Не переживай, я не буду на тебя сердиться, - Сы Нань маслянистыми пальцами хлопнул его по плечу, - Я же не какая-то наивная героиня, которая закатывает глаза и кричит: «Ты следишь за мной? Совсем меня не уважаешь! Расстаемся!»

Тан Сюань: «...»

На самом деле он хотел сказать: «Не нанимай людей, о которых мало что известно», — боясь, что люди, стоящие за Чжао Дэ, могут использовать те же методы, что и против Сы Сюя.

Тан Сюань лишь покачал головой с улыбкой. Ну и пусть будет слегка беспечен, думал он. В конце концов, он будет защищать его.

Он полностью забыл, что недавно еще хвалил Сы Наня за его проницательность.

Затем разговор вернулся к Обществу Пяти вкусов. Тан Сюань упомянул, что это не просто частное объединение, но у него также есть возможность участвовать в некоторых государственных мероприятиях. Например, на дне рождения императора, свадьбах членов императорской семьи или выходе принцесс замуж, когда дворец не справляется с организацией банкетов, приглашают рестораны из Общества Пяти вкусов. Любое заведение, которое имеет шанс поучаствовать в таких официальных мероприятиях, не только повышает свою репутацию, но и получает реальные выгоды.

Например, одна лавка, которая продавала лепешки, участвовала в праздновании дня рождения императора, и за свои заслуги была признана официальным заведением, а ее название появилось в правительственных докладах. Благодаря этому лавка открыла много филиалов по всей стране.

Сы Нань сразу загорелся. Хотя его ресторан горячих горшков и имел табличку с личной надписью императора, за пределами Кайфэна о нем знали немногие. Чтобы открыть сеть ресторанов, ему нужно было получить эту «отмычку», а затем — статус официального заведения с печатью императорского двора.

- Я вступаю, — решительно заявил Сы Нань.

Подняться на вершину жизни и жениться на цзюньване — вот что должно начаться с покорения Общества Пяти вкусов!

Сы Нань сделал большой глоток вина.

И... захлебнулся.

Юноша, подавившись вином, сидел с покрасневшими, будто от слез, глазами. Рука Тана Сюаня, державшая платок, замерла на мгновение, а затем он убрал его и вместо этого аккуратно коснулся своими пальцами живых и выразительных глаз Сы Наня.

Сы Нань, пользуясь случаем, пододвинул лицо поближе, довольный возможностью «воспользоваться ситуацией». Впрочем, это «преимущество» было взаимным.

Они сели ужинать с закатом, а закончили лишь когда небо начало темнеть. Сы Нань убрал пустые тарелки, оставив только кувшин с хорошим вином и две фарфоровые чаши. Он знал, что Тан Сюань хочет с ним поговорить. За ужином тот ничего не сказал, видимо, желая, чтобы Сы Нань спокойно наелся.

Тан Сюань не стал долго молчать и тихо произнес:

- Решение по делу Юй Сана вынесено: три года каторги, отправка в лагерь заключенных в Цанчжоу.

Сы Нань вздрогнул:

- За частное литье медных изделий наказание настолько суровое?

Тан Сюань смотрел на него, в его темных глазах мелькнула сложная эмоция.

- За связь с контрабандистами соли и поклеп на других.

Сы Нань был поражен его словами и недоверчиво указал на себя:

- Он хотел подставить меня?

Тан Сюань покачал головой:

- Нет, Сы-дагуаня.

Тан Сюань больше не колебался и подробно рассказал Сы Наню, как именно Юй Сан дал признательные показания, включая роль, которую в этом деле сыграл Чжао Дэ.

- Этот предатель! Даже трех лет ему мало! Как мой отец мог быть так добр к нему — освободил от рабства, помог устроить его брак. Когда его жена Ху-ши хотела отдать их дочь Сан-нян в чужие руки из-за того, что она девочка, это была моя мать, кто пожалела ее и взяла на воспитание до шести-семи лет - Сы Нань с гневом ударил по столу.

Тан Сюань схватил его за руку:

- Это еще не конец. Как только найдутся новые доказательства, я подам прошение императору о пересмотре дела.

Он на мгновение замолчал и с тяжелым вздохом добавил:

- Чжао Дэ был спасен императрицей...

Поэтому ему было так сложно об этом заговорить — он чувствовал, что сделал недостаточно.

Сы Нань, который еще минуту назад кипел от злости, резко изменился, заметив состояние Тан Сюаня:

- Не волнуйся, все нормально. Давай оставим это как есть. Мой отец везучий, ему ничего не будет. Император у нас мудрый, так что не стоит с ним спорить.

В последние недели Сы Нань услышал от госпожи Вэй много дворцовых слухов и постепенно начал осознавать, насколько двусмысленным было положение Тан Сюаня. Император доверял и ценил его, что делало Тан Сюаня самым влиятельным и пугающим цзюньваном в Сунской империи. Но если бы император, как императрица, начал опасаться армии семьи Тан в сорок тысяч человек, судьба Тан Сюаня могла бы оказаться совсем иной... Сы Нань не смел даже об этом думать.

Чжун Цзян также упоминал, что за последние годы Тан Сюань вел себя крайне сдержанно в Императорском столичном управлении. Он не стремился ни к славе, ни к почестям, и кроме безопасности императора и его собственного лука со стрелами, его мало что волновало. Вероятно, он действовал так, чтобы успокоить императора и не вызывать подозрений.

Перемены начались после встречи с Сы Нанем. Тан Сюань сам предложил императору начать операцию по ликвидации Уюдуна и активно расследовал дело о контрабанде соли, что принесло ему множество похвал от чиновников двора. Именно это и привлекло к нему опасное внимание императрицы.

Императрица Цао вряд ли руководствовалась только личными мотивами. В конце концов, она стремилась сохранить стабильность династии Чжао.

Во второй год Баоюаня началась война между Сун и Ся, и вся семья Тан пала в бою. Принцесса покончила с собой на поле сражения. Император, чтобы укрепить боевой дух армии, пообещал, что после того, как Тан Сюань создаст семью и оставит потомство, военная власть на северо-западе будет возвращена семье Тан.

Сейчас, когда императору за пятьдесят, а у него нет прямых наследников, династия Сун не может допустить, чтобы у могущественного цзюньвана с военной властью и высокой репутацией появились амбиции. То, что императрица лично вмешалась, чтобы спасти Чжао Дэ, было предупреждением для Тан Сюаня.

Сы Нань, позабыв о своем гневе, начал утешать Тан Сюаня:

— Ты говорил, что Чжао Дэ связан с Чжао Сином через их родство? Формально он считается членом императорской семьи. Ну, продал он немного соли, ничего страшного. Пока не замышляет мятеж, на это все закроют глаза. В итоге ты только зря время потратил. Лучше бы приходил в мой ресторанчик, посидел под вентилятором, поел холодных десертов!

— Третий дядя был не согласен.

— Что? Третий дядя... это кто еще такой?

— Родной отец Цзун Ши, Жунань-цзюньван, глава Храма Цзунчжэнцзи*.

(ПП: Храм Цзунчжэнцзи - официальное учреждение. Управлял генеалогией императорской семьи, клана и родственников и защищал императорские мавзолеи.)

Жунань-цзюньван Чжао Юньжэн! Отец императора Инцзуна, тот, кто родил двадцать два сына! Чуть не стал наследником трона, но в итоге императором стал его сын!

Нет, не туда мысли пошли.

Сы Нань поспешно вернул разговор в нужное русло:

- В общем, мы не будем обращать на него внимание. Ты же сам говорил, что он всего лишь мелкая сошка, ничем не лучше Юй Сана. Поймаем его хозяина — тогда и разберемся. Сейчас главное — не идти наперекор императору и, тем более, не злить императрицу.

Тан Сюань кивнул и сделал большой глоток вина. Когда он потянулся за второй чашей, Сы Нань остановил его руку.

- Ты слышал такую фразу?

Ну вот, снова его золотые цитаты.

- Вино имеет память. Когда ты пьешь его в радости, оно сохраняет этот момент радости. Когда ты пьешь его в печали, то остается только горькое послевкусие.

Сы Нань взглянул на окно, за которым маленькие ребята сидели, подперев головы руками и наблюдая за ними. Он невольно улыбнулся.

- Помнишь наш первый раз в «Фэн И Лоу»? В первый раз пили «Апрельский иней», ты, я, дети... Я до сих пор помню, как мы ехали на одной лошади. Не порть это воспоминание.

Тан Сюань тоже помнил тот день, когда пьяный юноша был так покладист и мягок — одно из самых прекрасных его воспоминаний. Но несмотря на это, он все же поднял чашу и медленно налил себе вина.

Сы Нань нахмурился:

- Почему ты меня не слушаешь?

Тан Сюань мягко усмехнулся:

- Теперь можно пить.

Это не было глотком от отчаяния или попыткой утопить грусть, а таким же умиротворенным моментом, как тот в «Фэн И Лоу», — это был уверенный, спокойный «Апрельский иней».

- Когда ты рядом, это вино приносит радость.

<http://bllate.org/book/13604/1206367>